

П.Д. Успенский

В ПОВСКАХ ЧУДЕСНОГО х)

отрывки из книги

/перевод с английского Н.Б./

х) Окончание. Начало см. в № 18

/ЧТО ТАКОЕ СОЗНАНИЕ?/

Однажды в разговоре с Гурджиевым я спросил его, считает ли он возможным достижение "космического сознания" не на короткий миг, а на более долгий период. Выражение "космическое сознание" я понимал в смысле более высокого сознания, доступного человеку.

- Не знаю, что вы называете "космическим сознанием", - отвечал Гурджиев. - Это неясный и неопределенный термин; любой человек может обозначить им все, что ему понравится. В большинстве случаев то, что называют "космическим сознанием", представляет собой просто фантазии, ассоциативные мечтания, связанные с усилившейся работой эмоционального центра. Иногда оно приближается к экстазу; но чаще всего - это субъективное эмоциональное переживание на уровне сновидений. Даже не касаясь всего этого, прежде чем начинать говорить о космическом сознании, мы должны выяснить, что такое сознание. Как вы определяете сознание?

- Считается, что сознание не поддается определению, - сказал я. - Действительно, как можно его определить, если это внутреннее качество? С обычными средствами, которые находятся в нашем распоряжении, невозможно доказать присутствие сознания в другом человеке. Мы знаем его только в себе.

- Все это чепуха, - заявил Гурджиев, - обычная научная софистика. Пора вам от нее избавиться. В том, что вы сказали, верно только одно: вы можете узнать сознание только в себе. Заметьте, я говорю "можете узнать", потому что вы можете знать его только тогда, когда имеете. А когда его нет, вы можете узнать это не в тот самый момент, а впоследствии. Я хочу сказать, что когда оно вернется, вы сможете увидеть, что его долго не было, и сумеете найти или припомнить тот момент, когда оно исчезло и когда вновь появилось. Вы сможете также определить моменты, в которые вы приближаетесь к сознанию и в которые удаляетесь от него. Но, наблюдая себя, вы неизбежно обнаружите один факт, который сейчас не видите

и не признаете. Этот факт заключается в том, что моменты сознания очень кратки и разделены длительными интервалами совершенно бессознательной, механической работы. Тогда вы поймете, что можете думать, чувствовать, действовать, говорить, работать, не сознавая этого. Если вы научитесь видеть в себе моменты сознания и длительные периоды механичности, вы так же безошибочно сумеете видеть их в других людях.

"Ваша главная ошибка состоит в том, что вы думаете, будто уже обладаете сознанием, и оно или постоянно присутствует, или постоянно отсутствует. На самом деле, сознание — такое качество, которое все время изменяется. Только что оно было, и вот его уже нет. Кроме того, существуют различные степени и уровни сознания. Как сознание, так и его разные уровни можно обнаружить в себе благодаря ощущению, как бы на вкус. Никакие определения в этом случае не помогут; да они и невозможны, пока вы не поймете, что именно нужно определить. Необходимо отличать сознание от возможности сознания. Мы имеем только возможность сознания и редкие его вспышки, поэтому не можем определить, что такое сознание.

х х х

ГЛАВА 8.

/РАЗЛИЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ/

На одной из последующих встреч Гурджиев возвратился к вопросу о сознании.

— Нельзя понять ни психические, ни физические функции человека, — сказал он, — если не уловить факта, что они могут работать в различных состояниях.

"Всего существует четыре состояния сознания, возможные для человека /он произнес это слово с ударением/, причем обычный человек живет только в двух: самых низших состояниях сознания. Два высших состояния сознания ему недоступны; хотя у него могут быть вспышки этих состоя-

ний, он не способен понять их — и судит о них с точки зрения тех состояний, которые для него являются привычными.

"Два обычных, то есть два низших состояния сознания — это, во-первых, сон, во-вторых, состояние, в котором люди проводят остальную часть своей жизни, в котором они гуляют по улицам, пишут книги, говорят на возвышенные темы, принимают участие в политической деятельности, убивают друг друга. Люди считают это состояние активным и называют "ясным сознанием" или "бодрствующим сознанием". Эти названия даны, кажется, в шутку, и вам это станет очевидным, когда вы поймете, чем должно быть в действительности ясное сознание и что на самом деле представляет собой состояние, в котором живет и действует человек.

"Третье состояние сознания — самосознание, или сознание своего бытия. Обычно считают, что мы обладаем этим состоянием сознания или что можем иметь его, если пожелаем. Наша наука и философия не обращают внимания на тот факт, что мы не обладаем этим состоянием сознания и не можем создать его в себе только по желанию или решению.

"Четвертое состояние сознания называется объективным состоянием сознания. В этом состоянии человек может видеть вещи такими, каковы *б* они есть. Проблемы этого состояния сознания также случаются у человека. В религиях всех народов есть указания на возможность подобного состояния, которое называют "просветлением" и разными другими именами, но которое нельзя описать словами. Однако, единственный правильный путь к объективному сознанию идет через развитие самосознания. Если обычного человека искусственно привести в состояние объективного сознания и потом вернуть в обычное состояние, он ничего не вспомнит и подумает, что на время потерял сознание. Но в состоянии самосознания у человека могут быть вспышки объективного сознания, и он может их запомнить.

"Для того, чтобы понять, в чем заключается разница между состояниями сознания, вернемся к первому состоянию сознания, ко сну. Это целиком субъективное состояние. Человек погружен в сновидения, и не имеет значения, помнит он их или нет. Даже если до него доходят какие-то реальные впечатления, такие как звуки, голоса, тепло, холод, ощущение собственного тела, они пробуждают в нем только фантастические, субъективные образы. Затем человек пробуждается; на первый взгляд, это совершенно иное состояние сознания: он может двигаться, разговаривать с другими людьми, что-то заранее рассчитать, увидеть и избежать опасность и т.п. С точки зрения рассудка, такой человек находится в лучшем положении по сравнению с тем, который спит. Но если мы глубже вникнем в суть дела, если присмотримся к его внутреннему миру, к мыслям, к причинам его действий, то увидим, что он пребывает почти в том же состоянии, что и во время сна. Это состояние даже еще хуже, потому что во сне он пассивен и ничего не может делать, а в бодрственном состоянии все время может что-то делать и результаты его действий отражаются на нем самом и на окружающих. И все же с н е п о м н и т с е б я. Он по-прежнему остается машиной, с ним все е л у ч а е т с я. Он не в состоянии остановить потока своих мыслей, он не может контролировать свое воображение, эмоции, внимание. Он живет в субъективном мире "люблю- не люблю", "нравится- не нравится", "хочу- не хочу", то есть думает об одном, что оно ему нравится, а о другом- что не нравится; он считает, что чего-то хочет, а чего-то не хочет. Такой человек не видит реального мира; реальный мир скрыт от него стеной воображения. О н ж и в е т в о с н е, о н с п и т. То, что называют "бодрствующим сознанием"- это сон, и сон гораздо более опасный, чем ночь в постели.

х х х

"В идее сна нет ничего нового. Почти с самого сотворения мира людям твердят, что они погружены в сон, что они должны пробудиться. Например, сколько раз об этом говорится в Евангелиях: "Пробудись", "бодрствуй", "не спи". Ученики Христа снали даже тогда, когда он в последний раз молился в Гефсиманском саду. Все это там есть. Но понимают ли это люди? Они принимают все такие места за особый оборот речи, за особое выражение, метафору, совершенно не желая понять, что здесь необходимо буквальное толкование. И опять-таки легко сообразить, почему. Чтобы хоть немного понять сказанное в буквальном смысле, необходимо уже пробудиться или, по крайней мере, стараться пробудиться. Говорю вам серьезно, что меня не раз спрашивали, почему в Евангелиях ничего не говорится о сне- и это несмотря на то, что о нем говорится почти на каждой странице. Это лишний раз доказывает, что люди и Евангелие читают во сне. Пока человек пребывает в глубоком сне, пока он погружен в сновидения, он не в состоянии даже подумать о том факте, что он спит. Если бы он подумал об этом, он пробудился бы. А так все идет по-старому, и люди не имеют ни малейшего представления о том, что они теряют из-за этого сна. Как я уже сказал, оставаясь таким, каким его создала природа, каким он устроен, человек может стать самосознающим существом. Но он рожден среди спящих, и, разумеется, находясь среди них, засыпает как раз в то время, когда должен бы начать сознавать себя. Все прикладывает к этому руку: подражание ребенка взрослым, намеренное и ненамеренное внушение, то, что называют "воспитанием". Каждую попытку со стороны ребенка пробудиться немедленно пресекают, и это неизбежно. А для того, чтобы пробудить позднее, когда накопились тысячи привычек, вызывающих сон, требуется немало усилий и большая помощь. Но это случается очень редко. В большинстве случаев человек еще ребенком утрачивает возможность пробуждения; он живет во сне всю свою жизнь и во сне умирает.

/"УМСТВЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ". РАЗНЫЕ ЛЮДИ В ОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ/

"Когда человек приходит к пониманию необходимости не только самоизучения, но также и работы над собой, характер его самонаблюдения должен измениться. До сих пор он наблюдал детали работы центров, стараясь зарегистрировать то или другое явление, быть беспристрастным свидетелем; он изучал работу машины. Теперь он должен начать видеть себя, то есть не отдельные детали, не работу колесиков и рычагов, а все вместе, как целое — видеть себя так, как видят его другие.

"Для этой цели человек должен научиться производить, так сказать, "умственные фотографии" самого себя в различные мгновения своей жизни, причем не фотографии деталей, а фотографии целого. Иными словами, эти "фотографии" должны содержать одновременно все, что человек может в данный момент увидеть в себе: эмоции, настроение, мысли, ощущения, позы, движения, интонации голоса, выражение лица и тому подобное. Если "фотографии" делаются успешно, человек вскоре обнаружит, что его понятие о себе, с которым он жил из года в год, весьма далеко от реальности.

"Вместо того человека, каким он предполагал себя, он увидит совершенно другого.. Этот "другой" — он сам, и в то же время не он. Это он, каким его знают другие люди, каким он воображает себя и каким является в своих действиях, словах и так далее; однако, не вполне такой, каков он есть на самом деле. Ибо человек и сам понимает, как много нереального, надуманного, искусственного в этом "другом", каким его знают люди. Вы должны научиться отделять реальное от придуманного; каждый должен понять, что он, в действительности, состоит из двух людей.

"Один человек — тот, кого он называет "я", а другие — "Успенский", "Захаров" или "Петров"; другой — подлинное "я", которое появляется в его жизни на очень короткие мгновения и может стать устойчивым и постоянным только после долгого периода работы.

"До тех пор, пока человек принимает себя за о д - н у л и ч н о с т ь, он не сдвинется с места. Его работа над собой начинается с того момента, когда он начнет ощущать в себе д в у х ч е л о в е к.

х х х

/ЧЕЛОВЕК И ЕГО МАСКА/

"Очень скоро человек убеждается, что полностью находится во власти своего "Успенского", "Петрова" или "Захарова". Неважно, что он планирует, что намерен сделать и сказать, — не "он", не его "я" будет это выполнять, делать или говорить, а его "Успенский", "Петров" или "Захаров", и уж, конечно, они сделают или скажут это не так, как сделало бы или сказало "я", а по-своему, со своими собственными оттенками значения, которые зачастую совершенно изменяют то, что хотело сделать "я".

"Но когда человек понимает свою беспомощность перед лицом "Успенского", его отношение к самому себе и к "Успенскому" в нем перестает быть безразличным или равнодушным. Его самонаблюдение становится наблюдением за "Успенским". Человек понимает, что он — не "Успенский", что "Успенский" — всего лишь маска, которую он носит, роль, которую он бессознательно играет и, к несчастью, не в силах перестать играть; роль, которая управляет им и заставляет делать и говорить тысячи глупостей, тысячи вещей, которые сам он никогда бы не сказал и не сделал.

"Если человек искренен с самим собой, он чувствует, что находится во власти "Успенского" и в то же время понимает, что он — не "Успенский". Он начинает бояться "Успенского", начинает видеть в нем своего "врага". Что бы он не захотел сделать, все перехватывает и переименовывает "Успенский". "Успенский" — его "враг". Желания, вкусы, симпатии, антипатии, мысли и мнения "Успенского" или противоположны его собственным взглядам, чувствам и настроениям или не имеют с ним ничего общего. И в то же время "Успенский" — его господин, а он — раб "Успенского". У него нет собственной воли, он не имеет возможностей

выразить свои желания, так как все, что он хотел бы сделать или сказать, будет сделано за него "Успенским".

"На этом уровне самонаблюдения человек должен понять, что его задача заключается в том, чтобы освободиться от "Успенского". А поскольку он не может освободиться от "Успенского", постольку он должен подчинить его себе и заставить делать не то, что хочется в данный момент "Успенскому", а то, что хочет делать сам. Из господина "Успенский" должен стать слугой.

"Первая часть работы над собой заключается в том, чтобы отделить в уме себя от "Успенского", отделиться от него на самом деле. Но следует при этом помнить, что все внимание должно быть направлено на "Успенского", потому что человек не в состоянии объяснить, что в действительности представляет собою он сам. Он не может объяснить себе, что такое "Успенский", и с этого ему следует начинать, памятуя о том, что он — не "Успенский".

х х х

/ЧЕЛОВЕК НЕ ПОМНИТ СЕБЯ/

"Как уже говорилось, самонаблюдение приводит человека к пониманию того факта, что он не помнит себя. Неспособность человека помнить себя является одной из главных характерных черт его бытия и причиной всех прочих его недостатков. Неспособность помнить себя находит выражение во многих способах.. Человек не помнит о своих решениях, не помнит те обещания, которые давал самому себе, не помнит того, что говорил или чувствовал месяц, неделю и даже час назад. Он начинает какую-нибудь работу, но спустя некоторое время уже не помнит, почему ее начал. Особенно часто это происходит во всем, что связано с работой над собой. Человек в состоянии вспомнить обещание, данное кому-то другому, только при помощи искусственных ассоциаций, которые были в нем в о с п и т а н и; а они, в свою очередь, связаны с искусственно созданными понятиями "чести", "долга",

"честности" и т.д. Даже если человек вспоминает одну вещь, он забывает десять других, помнить которые для него гораздо важнее. Особенно легко человек забывает то, что относится к нему, и в том числе те "умственные фотографии" самого себя, которые он, быть может, сделал ранее.

"А это лишает взгляды и мнения человека какой бы то ни было устойчивости и точности. Человек не помнит, что он думал или говорил; и не помнит, как думал или как говорил."

х х х

/Отождествление/

"Это в свою очередь связано с одной из характерных черт отношения человека к себе и ко всему окружающему, а именно: он постоянно "отождествляется" с тем, что в данный момент привлекает его внимание, его мысли или желания, его воображение.

"Отождествление — столь общее свойство, что его трудно отделить в целях наблюдения от всего прочего. Человек постоянно пребывает в состоянии отождествления, меняется только объект.

"Человек отождествляет себя с какой-нибудь мелкой проблемой, которая возникает перед ним, и полностью забывает те большие цели, ради которых начал свою работу. Он отождествляет себя с какой-нибудь одной мыслью и забывает другие мысли; он отождествляет себя с каким-то одним чувством, одним настроением — и забывает более широкие мысли, эмоции и настроения.

"Необходимо видеть и изучать отождествление до самых его корней. Трудности борьбы с отождествлением усугубляются тем фактом, что когда люди замечают его в себе, они считают его положительной чертой и называют "энтузиазмом", "рвением", "страстью", "непосредственностью", "вдохновением" и другими подобными именами, полагая, что только в состоянии отождествления человек способен проделать по-настоящему хорошую работу. В действительности это, конечно, иллюзия. Если бы люди могли видеть, что значит состояние отождествления, они изменили бы свое мнение. Человек становится вещью, куском плоти,

утрачивая даже то малое сходство с человеческим существом, которое у него есть. На Востоке, где люди курят гашиш и другие наркотики, нередко случается, что человек отождествляет себя со своей трубкой до такой степени, что сам становится трубкой. Это не шутка, а факт. Посмотрите на людей в магазинах, театрах, посмотрите, как они отождествляют себя со словами, когда спорят или пытаются доказать что-то, особенно то, что сами не знают. Они превращаются в жадность, в желания, в слова; от них самих ничего не остается.

"Отождествление является главной помехой для самовоспитания. Человек, который отождествляет себя с чем-то, не способен помнить себя. Чтобы научиться не отождествлять себя, человек прежде всего должен не отождествлять себя с самим собой. Свобода — это прежде всего свобода от отождествления.

х х х

/МНИТЕЛЬНОСТЬ/

"После общих форм отождествления следует обратить внимание на одну его частную разновидность, именно на специфическое отождествление с людьми, принимающее форму мнительности.

"Чаще всего, человек, отождествляя себя с другими людьми, думает о них, о том, как они к нему относятся, как с ним обращаются. Ему все время кажется, что люди его недооценивают, недостаточно вежливы и внимательны к нему. Это мучит его, заставляет размышлять и подозревать, развивает в нем враждебное отношение к людям.

"Он может проявлять мнительность не только к отдельным людям, но и по отношению к обществу, и исторически сложившимся условиям. "Несправедливость" — одно из тех слов, за которым нередко скрывается мнительность.

"Это и многое сверх того представляет собой одну из форм отождествления. Человек /внутренне/ "требует", чтобы все видели, какая он замечательная личность, выражали уважение, почтение, восхищение его умом, красотой и т.д. Эти требования в свою очередь, основаны на совершенно фантастических представлениях о себе.

"До сих пор я говорил о мнительности. Можно было бы привести еще много других ее примеров, но вы должны сделать это сами, находя примеры в наблюдениях за собой и другими.

"Противоположностью мнительности — а частично и средством борьбы с ней — является умение считаться с людьми, **в н и м а т е л ь н о с т ь**. Внимательность основана на совершенно ином отношении к людям, чем мнительность. Это приспособление к людям, к их пониманию и требованиям. Считаюсь с людьми, человек делает то, что облегчает его собственную жизнь и жизнь других людей. Умение считаться с людьми требует знания людей, понимания их вкусов, привычек и предрассудков. В то же время внимательность требует постоянного контроля над собой. Нередко человек желает **и с к р е н н о** выразить или как-то показать другому, что он в действительности думает о нем или какие питает к нему чувства. Он уступает своему желанию, а потом начинает оправдывать себя, говоря, что не хотел лгать и притворяться, а пожелал быть искренним. Затем он убеждает себя, что во всем был виноват другой человек; сам-то он хотел быть с ним вежливым, не спорить — даже уступить ему и т.д., а тот не захотел с ним считаться, так что ничего нельзя было сделать. Очень часто случается, что человек начинает с благословения, а кончает проклятиями; сначала решает не быть мнительным, а потом бранит других за то, что они с ним не считаются. Но если человек по-настоящему знает себя, он поймет, что другой человек — такая же машина, как и он сам. И тогда он **в о й д е т в е г о п о л о ж е н и е**, поставит себя на его место и сможет по-настоящему понять и почувствовать то, что думает и чувствует другой. Если он может это сделать, его работа станет для него легче; но если он подходит к человеку с собственными требованиями, из этого ничего не получится, кроме новых проявлений мнительности.

Одну из следующих бесед Гурджиев начал с упоминания о том факте, что мы забываем о трудностях нашего положения.

- Часто вы мыслите очень наивно, - сказал он. - Вы думаете, что можете что-то д е л а т ь. Избавиться от этого убеждения для человека труднее всего. Вы не понимаете всей сложности своей организации, не постигаете, что всякое усилие, даже если оно приводит к желанным результатам, добавляет к ним тысячи самых неожиданных и часто нежелательных; но главное ваше заблуждение состоит в том, что вы ^{зудраете, что} работаете с прекрасной, чистой, новой машиной. Позади вас остались многие годы неправильной и глупой жизни, протворства всевозможным слабостям, закрывания глаз на свои ошибки, стремления уйти от неприятных истин, постоянного самообмана, самооправдания, порицания других и так далее, и так далее. Все это не могло не подействовать на вашу машину: она стала грязной, местами заржавела, в ней появились искусственные приспособления, необходимость в которых возникла в результате ее собственной неправильной работы.

"Эти искусственные приспособления будут теперь сильно мешать всем вашим благим намерениям. Они называются "буферами", и это название требует объяснений. Всем известно, что такое буфера на железнодорожных вагонах - это особые устройства, которые ослабляют толчки, когда вагоны или платформы ударяются друг о друга. Если бы не было буферов, толчок одного вагона был бы очень неприятен и даже опасен для другого. Буфера смягчают результаты этих толчков и делают их незаметными и неощутимыми.

"Совершенно такие же приспособления можно найти и в человеке. Они создаются не природой, а самим человеком, хотя и ненамеренно. Причина их появления заключается в существовании в человеке многих противоречий - во мнениях, чувствах, симпатиях, словах и поступках. Если бы на протяжении своей жизни человеку приходилось ощущать все свои внутренние противоречия, он не смог бы жить и

действовать так спокойно, как живет и действует сейчас, а испытывал бы непрекращающееся трение, постоянное беспокойство. Мы не можем видеть, сколь противоречивы и враждебны по отношению друг к другу различные "я" нашей личности. Если бы человек ощутил все эти противоречия, он понял бы, что он такое на самом деле, и почувствовал бы, что сходит с ума. Не всякому приятно чувствовать себя безумным; кроме того подобная мысль лишает человека доверия к себе, ослабляет его энергию, сводит на нет "самоуважение". Так или иначе, ему необходимо овладеть своими мыслями или изгнать их; он должен или уничтожить противоречия, или перестать их замечать. Уничтожить противоречия человек не в силах, но если в нем появятся "буфера", он может перестать ощущать столкновения своих противоречивых взглядов, эмоций, слов.

"Буфера" появляются медленно и постепенно; многие из них создаются благодаря "воспитанию", другие — под гипнотическим влиянием всей окружающей жизни. Человек окружен людьми, которые живут, думают и чувствуют посредством "буферов". Подражая им, их мнениям, действиям и словам, человек невольно создает себе сходные "буфера". А "Буфера" делают жизнь более легкой, жить без них очень трудно, но они удерживают человека от возможности внутреннего развития, поскольку созданы для того, чтобы уменьшать толчки, которые только и могут вывести человека из состояния, в котором он живет. "Буфера" убаюкивают человека, погружают в сон, наделяют приятными и мирными ощущениями. "Буфера" — это такие приспосабливания, помощь в которых человек может всегда оставаться правым. "Буфера" помогают человеку не ощущать своей совести.

х х х

/СОВЕСТЬ/

"Термин "совесть" опять-таки нуждается в объяснении. В обыденной жизни "совесть" понимается чересчур упрощенно; считается, в частности, что все мы обладаем совестью.

В действительности, понятие "совесть" в области эмоций равносильно понятию "сознание" в области разума. И точно так же, как мы не имеем сознания, у нас нет и совести.

"С о з н а н и е— это такое состояние, при котором человек внезапно узнает все, что он знает вообще; состояние, при котором он видит, сколь мало в действительности он знает и сколь много противоречий в том, что он знает.

"С о в е с т ь— это такое состояние, при котором человек внезапно ощущает все, что он обычно чувствует или может почувствовать. И поскольку внутри каждого человека существуют тысячи противоречивых и разнообразных чувств— от глубоко скрытого понимания собственного ничтожества и всевозможных страхов до глубочайших разновидностей самообмана, самодовольства, самоуверенности и самовосхваления— ощутить все это в м е с т е будет не только болезненно, но и буквально невыносимо.

"Если бы человек, внутренний мир которого целиком составлен из противоречий, должен был внезапно ощутить все эти противоречия одновременно, если бы он мог почувствовать весь стыд и ужас своего существования, это и было бы тем состоянием, которое называют совестью. Но человек не может жить в таком состоянии; он должен или уничтожить противоречия, или разрушить совесть, или, по крайней мере, усыпить ее, отделить непреодолимыми преградами одно свое чувство от другого, и никогда не видеть их вместе, никогда не чувствовать их несовместимости, абсурдности их сосуществования.

"К счастью для человека, то есть для его мира и сна, состояние совести ему почти не угрожает. С самого раннего детства у него начинают появляться и укрепляться "буфера", лишая его возможности видеть свои внутренние противоречия; поэтому он избавлен от опасности внезапного пробуждения. Пробуждение возможно только для тех, кто ищет и желает его, для тех, кто готов бороться с собой и работать над собой с целью его достижения. Для этого необходимо разрушить "буфера", то есть пойти навстречу внутренним страданиям, связанным с ощущением противоречий.

/СОВЕСТЬ И МОРАЛЬ/

"Совесть — общее и постоянное явление. Совесть — одна и та же для всех людей и возможна лишь при отсутствии "буферов". Мы можем сказать, что существует совесть человека, в котором нет противоречий. Эта совесть не является страданием; наоборот, это радость совершенно нового характера, которую мы не можем понять. Однако даже мгновенное пробуждение совести в человеке, в котором существуют тысячи различных "я", неизбежно приносит с собой страдание. И если такие моменты совести становятся все более длительными, если человек не боится их, а напротив, стремится удержать и продлить, тогда в эти мгновения постепенно проникнет особый элемент очень тонкой радости, предвкушение будущего "ясного сознания"

"В понятии "мораль" нет ничего общего. "Мораль" состоит из "буферов" и везде и всюду представляет искусственное явление. Она состоит из различных "табу", то есть запретов, из различных требований, иногда осмысленных, а иногда утративших всякий смысл или никогда его не имевших; из требований, созданных на неверной основе, на почве суеверий и ложных страхов. Не существует общей для всех морали. Невозможно даже сказать, что, например, в Европе существует какая-то общая идея морали. Иногда утверждают, что общая идея морали в Европе — "христианская мораль". Но, во-первых, сама идея "христианской морали" допускает множество разнообразных толкований; "христианской моралью" оправдывают многочисленные преступления. Во-вторых, современная Европа имеет очень мало общего с "христианской моралью", как бы мы ее ни понимали.

"Во всяком случае, "христианская мораль" привела Европу к той войне, которая сейчас продолжается, так что лучше было бы держаться от такой морали как можно дальше.

- Многие люди говорят, что им непонятна моральная сторона вашего учения, — сказал один из нас. — А другие говорят, что в вашем учении совсем нет морали.

- Конечно нет, — сказал Гурджиев. — Люди очень любят поговорить о морали, но мораль — это всего лишь самовну-

шение. Мы не учим морали, мы учим, как найти свою совесть, а именно это необходимо. Людям неприятно, когда мы говорим это. Они считают, что у нас нет любви — вероятно, потому, что мы не поощряем слабость и лицемерие. Тот, кто желает истины, не станет говорить о любви или христианстве, так как знает, насколько люди от них далеки. Христианское учение существует для христиан, а христиане — это те, кто живет по заповедям Христа, то есть делает все так, как учил Христос. Но могут ли те, кто говорит о любви и морали, жить по заповедям Христа? Конечно, не могут; однако разговоры подобного рода будут вестись всегда; всегда найдутся люди, для которых слова дороже всего.

"Мораль и совесть — совершенно разные вещи. Одна совесть никогда не противоречит другой совести, зато одна мораль очень легко вступает в противоречие с другой моралью или полностью ее отрицает. Человек с "буферами" может быть очень моральным, но так как сами "буфера" бывают весьма различными, то два очень моральных человека могут считать друг друга глубоко аморальными. Как правило, это почти неизбежно. Чем "моральнее" человек, тем более "аморальными" он считает других.

х х х

/НИКТО НЕ ДЕЛАЕТ НИЧЕГО РАДИ ЗЛА/

"Идея морали связана с идеей хорошего и дурного поведения. Но идея добра и зла у обычного человека субъективна; она связана с данным моментом и с данным положением. Обычный человек не может обладать каким-то понятием добра и зла; для него злом всегда будет то, что противоречит его желаниям или интересам, или его концепции добра.

"Можно утверждать, что для обычного человека зло вообще не существует, что для него существует только различные понятия добра. Никто не делает ничего намеренно ради зла. Каждый действует в интересах добра, как он его понимает; но каждый понимает добро по-

разному, и в результате люди убивают друг друга в интересах добра.

- Разве добро и зло не существуют сами по себе, вне человека? - спросил кто-то из присутствующих.

- Существуют, - ответил Гурджиев, - но только все это очень далеко от нас, и не стоит в настоящее время пытаться понять это. Пока запомните следующее. Постоянная идея добра и зла может сформироваться в человеке лишь в связи с постоянной целью и постоянным пониманием. Если человек понимает, что он спит, если он желает пробудиться, тогда все, что помогает ему пробудиться, будет хорошим, а все, что препятствует этому и удлиняет его сон - плохим. Совершенно таким же образом он будет понимать, что такое добро и зло для других. То, что помогает им пробудиться - хорошо; то, что препятствует - плохо.

"Но, конечно, большинство спящих людей скажут, что у них есть цель, что они куда-то идут. Понимание человеком того факта, что у него нет никакой цели, что он никуда не идет, - вот первый признак приближающегося пробуждения, признак того, что пробуждение для него действительно возможно.

х х х

/ВОРЬБА С "БУФЕРАМИ" И ЛОЖЬЮ/. /СОЗНАНИЕ СОБСТВЕННОГО НИЧТОЖЕСТВА/

"Чтобы понять взаимоотношение истины и лжи в жизни, человек должен понять ложь в самом себе, свою постоянную, непрекращающуюся ложь самому себе.

"Эта ложь создается при помощи "буферов". Чтобы разрушить ложь в себе, равно как и ту ложь, которую мы бессознательно говорим другим, необходимо разрушить "буфера". Но человек не в состоянии жить без "буферов", ибо они автоматически контролируют его действия, слова, мысли и чувства. Человек не может существовать без контроля, даже если этот контроль автоматический; лишь тот, кто обладает волей, то есть сознательным контролем, может жить без "буферов". Следовательно, если человек начинает разрушать "буфера", он должен одновременно развивать волю, а поскольку волю нельзя создать по первому требованию и в ко-

роткий срок, человек без "буферов" может остаться деморализованным. Единственный его шанс во время этого периода — контроль со стороны другой, уже окрепшей воли. Вот почему в работе школы, которая включает в себя разрушение "буферов", человек должен быть готов повиноваться воле другого, пока его собственная воля еще не достигла полного развития.

"Отречение от собственных решений, подчинение чужой воле, могут представиться человеку непреодолимыми трудностями, если ему не удастся понять, что фактически он ничем не жертвует и ничего не изменяет в своей жизни, что всю свою жизнь он подчинялся чьей-то внешней воле, что он никогда не принимал собственных решений. Но человек этого не сознает. Он считает, что обладает правом свободного выбора; ему трудно отказаться от иллюзии, что он сам направляет и организует свою жизнь. Никакая работа над собой невозможна, пока человек не освободился от этой иллюзии.

"Он должен понять, что он не существует и что он ничего не теряет, ибо ему нечего терять; он должен осознать свое "ничтожество" в полном смысле этого слова.

"Сознание своего ничтожества единственно в состоянии победить страх подчинения чужой воле, одного из самых серьезных препятствий на пути человека. Человек боится, что его заставят делать такие вещи, которые противоречат его принципам, взглядам, идеям; кроме того, этот страх немедленно создает у него иллюзию того, что он действительно имеет принципы, взгляды и убеждения, тогда как на самом деле у него их нет и не может быть. Тот, кто ни разу в жизни не думал о морали, вдруг начинает бояться, что его заставят совершить что-то аморальное; тот, кто никогда не заботился о своем здоровье, а делал все возможное, чтобы его разрушить, начинает бояться, что его заставят делать что-то вредное для здоровья; тот, кто всю жизнь лгал всем и каждому, внезапно начинает бояться, что его заставят лгать, и так далее, без конца.

"Страх подчинения воле другого очень часто оказывает-

ся сильнее всего. Человек не понимает то, что подчинение, на которое он сознательно соглашается, является единственным путем к тому, чтобы приобрести собственную волю.

х х х

(СУЩНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ)

"Я упоминал раньше о судьбе и случайности в жизни человека, остановимся на этом более подробно. Сейчас вы должны уяснить одну вещь: человек может иметь судьбу, которая соответствует его типу— позднее мы поговорим о типах— но практически он никогда ее не имеет. Это происходит потому, что судьба имеет отношение только к одной части человека, к его сущности.

"Следует понять, что человек состоит из двух частей: сущности и личности. Сущность — это собственное в человеке; личность — чужое в нем. "Чужое" означает то, что пришло извне, чему он научился, что в нем отражается, то есть все следы внешних влияний, оставшихся в памяти и ощущениях, все выученные слова и движения, все чувства, созданные подражанием— все это "чужое", все это — личность.

"С точки зрения современной психологии деление человека на сущность и личность едва ли понятно; правильнее сказать, что такого деления в психологии вообще не существует.

"Сущность — истинное в человеке; личность — нечто ложное. Но по мере того, как растет личность, сущность проявляется пропорционально все реже и слабее; и очень часто случается, что сущность останавливается в своем развитии в очень раннем возрасте и более не растет. Нередко выходит, что сущность взрослого человека останавливается на уровне пяти-шестилетнего ребенка. Это означает, что все, видимое нами в таком человеке, на самом деле является "чужим", а его сущность, то есть собственное, проявляется в инстинктах и простейших эмоциях. Однако бывают случаи, когда сущность человека растет параллельно его личности. Такие слу-

чам являют собой редкие исключения, особенно в условиях культурной жизни.

"Существует возможность экспериментальной проверки отношения личности к сущности; известны способы и средства, при помощи которых возможно отличить личность человека от его сущности. Для этой цели пользуются гипнозом, наркотическими веществами или особого рода упражнениями.

"Очень важный момент в работе над собой наступает тогда, когда человек начинает делать различие между своей личностью и сущностью. Подлинное "я" человека, его индивидуальность может произрастать только из его сущности. Можно сказать, что индивидуальность человека — это его нерасшая, зрелая сущность. Но чтобы дать сущности возможность расти, необходимо прежде всего ослабить постоянное давление, которое оказывает на нее личность, потому что препятствия росту сущности содержатся именно в личности.

"Если мы возьмем среднего культурного человека, мы увидим, что в большинстве случаев личность является в нем активным элементом, сущность — пассивным. Внутренний рост человека не может начаться, пока этот порядок вещей остается неизменным. Личность должна стать пассивной, а сущность — активной, и это может произойти только в том случае, когда устранены или ослаблены "буфера", ибо последние являются главным оружием, при помощи которого личность удерживает сущность в подчинении.

х х х

/МЕРТВЫЕ ЛЮДИ/

«Нередко случается, что сущность в человеке умирает, хотя его личность и тело все еще живут. Значительный процент людей, которых мы встречаем на улицах большого города, составляют люди, которые пусты изнутри, то есть на самом деле они уже мертвы.

«К счастью для нас, мы не видим и не знаем этого. Если бы мы знали, сколько вокруг нас мертвых людей и как много мертвецов управляет нашей жизнью, мы сошли бы от ужаса с ума. И нередко люди в самом деле теряют рассудок, узнав нечто подобное без соответствующей подготовки. Но это случается редко. Обычно все устроено таким образом, что человек не может ничего видеть преждевременно. Личность видит только то, что не вмешивается в ее жизнь; — она никогда не видит того, что ей не нравится. Это и хорошо и плохо: хорошо — если человек хочет спать, плохо — если он желает пробудиться.

х х х

/ОБЩИЕ ЗАКОНЫ/.

— Если сущность подвержена влиянию судьбы, означает ли это, что по сравнению со случаем, судьба всегда благоприятна для человека? — спросил кто-то из присутствующих. — И может ли судьба привести человека к работе?

— Нет, это совсем не так, — ответил Гурджиев. — Судьба лучше случая только в том отношении, что ее можно принимать в расчет, знать заранее, подготовиться к тому, что будет впереди. Что же касается случая, то тут ничего нельзя знать. Но судьба может оказаться неблагоприятной или трудной. В этом случае, однако, есть средства отделить себя от своей судьбы. Первый шаг в этом направлении состоит в том, чтобы освободиться от общих законов. Подобно тому, как существует индивидуальный случай, бывает и коллективный, или общий случай; и подобно тому, как существует индивидуальная судьба, бывает коллективная или общая судьба. Коллективный случай и коллективная судьба управляются общими законами.

Если человек желает создать свою индивидуальность, он должен прежде всего освободиться от общих законов. Эти общие законы никоим образом не являются обязательными для человека; он может освободиться от многих из них.

х х х

/ВОПРОС О ВОЙНЕ/. /ПРИЧИНЫ ВНУТРЕННЕГО РАБСТВА/.

- Я хотел бы знать, как можно прекратить войны, - заметил один из нас.

- Как прекратить войны? - спросил Гурджиев. - Войны прекратить нельзя. Война есть результат того рабства, в котором живут люди. Строго говоря, не следует порицать людей за войну; война есть следствие космических сил, планетарных влияний. Но в людях нет хоть какого-нибудь сопротивления этим влияниям, да его и не может быть, так как люди рабы. Если бы они были людьми, если бы они были способны "делать", они смогли бы противостоять таким влияниям и воздержаться от убийства друг друга.

- Но те, кто это понимает, несомненно могут что-то делать? - спросил человек, задавший вопрос о войне. - Если бы достаточное число людей пришло к выводу, что войны не должно быть, разве не смогли бы они повлиять на других?

- Те, кто не любят войну, пытались или пытаются так поступать чуть ли не с самого сотворения мира, - возразил Гурджиев, - и все же еще никогда не было войны, подобной нынешней. Войны не уменьшаются, а увеличиваются, так что обыкновенными средствами их не остановить. Все эти теории о всеобщем мире, мирные конференции и так далее - обычная ленность и лицемерие. Люди не хотят думать о себе, не хотят работать над собой, а думают о том, как бы заставить других сделать то, чего хотят сами. Даже если бы достаточное число людей, желающих прекращения войн, действительно собралось вместе, они прежде всего начали бы с объявления войны тем, кто с ними не согласен. А еще более вероятно, что они объявили бы войну и тем, кто хочет прекратить войны каким-то иным способом. И вот они опять стали бы воевать. Люди остаются людьми, они не могут быть другими.

Война имеет много причин, неизвестных нам; некоторые из этих причин скрыты в самих людях, другие находятся вне их. Нужно начинать с тех причин, которые заложены в самом человеке. Как может он быть независимым от внешних влияний космических сил, когда он находится в рабстве у всего, что его окружает? Если он станет свободен от окружающего, он сможет затем освободиться и от влияния планет.

"Свобода, освобождение — вот что должно быть целью человека. Стать свободным, избавиться от рабства — вот к чему должен стремиться человек, если он хотя бы отчасти осознает свое положение. Для него ничего более не существует, и до тех пор, пока он остается рабом, как во внутренней, так и во внешней жизни, все остальное невозможно. Но человек не в состоянии избавиться от рабства во внешней жизни, пока остается рабом внутренней. Поэтому для того, чтобы сделаться свободным, он должен завоевать внутреннюю свободу.

"Первая причина внутреннего рабства человека — его невежество, и, прежде всего, незнание самого себя. Без знания себя, без понимания работы и функций своей машины, человек не в состоянии быть свободным, не может управлять собой; без этого он всегда остается рабом и игрушкой воздействующих на него сил. Вот почему во всех древних учениях первым требованием в начале пути к освобождению было правило: "ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ".

х х х

ГЛАВА 12

/РАБОТА В ГРУППАХ/

К середине лета 1916 года работа в наших группах начала принимать новые и более напряженные формы. Гурджиев проводил большую часть времени в Петербурге, уезжая в Москву лишь на несколько дней и возвращаясь оттуда обычно с двумя-тремя своими московскими учениками. Наши лекции и встречи к тому времени утратили свой формальный характер; мы начали лучше узнавать друг друга, и хотя внутри существовали небольшие трения, в целом мы представляли весьма

компактную группу, объединенную интересом к новым идеям и новым возможностям знания и самопознания. нас было около тридцати человек; мы встречались почти каждый вечер. Несколько раз Гурджиев устраивал пикники в деревне, где мы ели шашлык, который как-то совершенно не был известен тогда в Петербурге. В моей памяти сохранилось воспоминание о поездке на Островки, вверх по Неве; я запомнил ее, потому что во время этой поездки внезапно понял, зачем Гурджиев устраивает такие, казалось бы, бесцельные развлечения. Я понял, что он все время наблюдает за нами, и что многие из нас открывают в этих случаях совершенно новые свои стороны, которые на встречах в Петербурге оставались хорошо скрытыми.

Мои встречи с московскими учениками Гурджиева совсем не были похожи на первую встречу с ними весной прошлого года. Теперь они не казались искусственными или играющими заученную наизусть роль, наоборот, я всегда с интересом ожидал их приезда и старался узнать, в чем заключается их работа в Москве, что новое, неизвестное для нас сказал им Гурджиев. Я узнал от них много такого, что оказалось позднее весьма полезным в моей работе. В новых беседах с ними я увидел развитие вполне определенного течения. Мы должны были учиться не только у Гурджиева, но и друг у друга. Я начал понимать группы Гурджиева как школу некоего средневекового живописца, ученики которого жили и работали вместе с ним, учились у него и учили друг друга.

Тогда же я понял, почему во время нашей первой встречи московские ученики Гурджиева не могли ответить на мои вопросы: "На чем основана ваша работа над собой?", "Что представляет собой система, которую вы изучаете?", "Каково происхождение этой системы?" и так далее. На подобные вопросы нельзя дать ответы; нужно учиться, чтобы самому узнать эти ответы.

На общих встречах нам было необыкновенно интересно слушать, как новые люди задают те же вопросы, которые задавали когда-то мы, и как они не понимают тех самых элементарных вещей, которые не могли понять мы. Такие встречи доставляли нам некоторое удовлетворение; но когда мы вновь оставались с Гурджиевым, он одним-единственным сло-

вом разрушал все то, что мы построили для себя, и заставлял увидеть, что в действительности мы ничего не знаем и не понимаем ни в самих себе, ни в других людях.

х х х

/«РЕПЕРТУАР РОЛЕЙ»/

- Вся беда в том,- говорил Гурджиев,- что мы вполне уверены, что всегда остаемся одними и теми же. А я вижу вас совершенно разными. Например, сегодня сюда пришел один Успенский, а вчера здесь был другой Успенский.

"Вы должны понять, что у каждого человека имеется определенный репертуар ролей, которые он играет при обычных обстоятельствах,- сказал Гурджиев в связи с этим.- Но поместите его в другие обстоятельства, даже чуть-чуть иные, и он уже не в состоянии найти подходящую роль, так что на короткое время он становится самим собой. Изучение ролей, которые играет человек, составляет необходимую часть самопознания. Репертуар каждого человека весьма ограничен: одна-две роли для семьи, одна-две роли на службе /для подчиненных и для начальства/, одна для друзей в ресторане и, пожалуй, одна для возвышенных бесед. В разное время человек полностью отождествляет себя с одной из этих ролей и не способен отделить себя от нее. Видеть роли, знать свой репертуар, в особенности его ограниченность- это уже знать многое. Все дело в том, что за пределами своего репертуара человек чувствует себя очень неуютно, и если что-то временно выбивает его из колеи, он изо всех сил старается вернуться в одной из обычных своих ролей. Как только он попал обратно в колею, все в его жизни опять идет гладко, а чувство неловкости и напряженности исчезает. Так бывает в жизни; но в работе, чтобы наблюдать за собой, человек должен свыкнуться с этой неловкостью и напряжением, с ощущением неудобства и беспомощности. Только переживая такого рода беспомощность, человек способен по-настоящему увидеть себя.

х х х

/РЕАКЦИЯ ДРУЗЕЙ НА ИДЕИ ГУРДЖИЕВА/

Наши беседы с людьми, которые могли бы заинтересоваться системой Гурджиева, невольно привели нас к оценке своих друзей и знакомых с совершенно новой точки зрения. В этом отношении все мы испытали горькое разочарование. Даже до того, как Гурджиев формально попросил нас поговорить о системе с друзьями, мы, конечно, уже пробовали так или иначе говорить о ней, но в большинстве случаев наш энтузиазм по отношению к идеям системы встретил очень холодный прием. Друзья нас не понимали; идеи, казавшиеся нам новыми и оригинальными, представлялись им старыми и скучными, нигде не ведущими и даже отталкивающими, что удивляло нас более всего. Должен сказать о своих личных переживаниях: все это произвело на меня необычайно болезненное впечатление. Я имел в виду то, что заставить людей понять нас оказалось абсолютно невозможным. Конечно, мы привыкли к этому в обыденной жизни; нам известно, что люди, в глубине души питающие к нам вражду, обладающие узкими взглядами или неспособные мыслить, могут неправильно понять нас, исказить и извратить все, что мы говорим, приписать мысли, которых у нас никогда не было, слова, которые мы не произносили, и так далее. Но теперь, когда мы видели, что именно так поступает те, кого мы привыкли считать людьми и нашего круга, с кем мы провели очень много времени, которые, казалось, понимали нас лучше, чем кто-либо другой, — это произвело на нас самое удручающее впечатление. Впрочем, подобные случаи составляли исключение; в большинстве своем друзья и знакомые просто оставались равнодушными, и все попытки заразить их нашим интересом к системе Гурджиева ни к чему не приводили.

Не помню, кто из нас первый это заметил: наши друзья стали находить, что мы изменились к худшему, стали менее интересными, чем прежде; нам говорили, что мы теряем свою былую непосредственность и восприимчивость, превращаемся в "машин", перестаем оригинально мыслить, и просто повторяем, словно попугай, все, что слышим от Гурджиева.

Гурджиев только смеялся, когда мы рассказывали ему

об этом.

- Подождите, будет еще хуже,- сказал он.- Понимаете, что это означает в действительности? Это значит, что вы перестали лгать; по крайней мере, перестали лгать так интересно, как раньше. Интересным человеком обычно считается тот, кто хорошо лжет. А вы уже стыдитесь лжи; вы способны признаться себе в том, что существует нечто, чего вы не знаете или не понимаете, и потому не в состоянии говорить так, как если бы знали все обо всем. Это, конечно, значит, что вы стали менее интересными, менее оригинальными и, как говорят, менее восприимчивыми. Со своей стороны, вы на деле теперь можете увидеть, что за люди ваши друзья. Они сожалеют о вас, и по-своему, правы: вы н а ч а л и у м и р а т ь /он подчеркнул это слово/. До полной смерти еще долгий путь, однако некоторое количество глупости из вас вышло. Вы ощутили вкус истины и уже не в состоянии обманывать себя так искренно, как делали это раньше.

х х х

/РАЗГОВОР О ТИПАХ/

Однажды у нас состоялся долгий и интересный разговор о "типах". Гурджиев повторил все, что говорил об этом раньше со многими добавлениями и указаниями для личной работы.

- Каждый из вас,- сказал он,- встречал, вероятно, в своей жизни людей одного и того же типа. Такие люди нередко даже похожи друг на друга, а их внутренние реакции на вещи совершенно одинаковы. То, что нравится одному, нравится и другому; что не нравится одному, не нравится другому. Вы должны помнить о таких случаях, потому что изучать н а у к у о т и п а х можно, только встречая типы- другого метода нет. В тех условиях, в которых вы живете, трудно встретить больше, чем шесть-семь основных типов, хотя вообще их существует больше. Остальное- их сочетания.

- Сколько же всего имеется основных типов?- спросил кто-то.

- Некоторые говорят, что двенадцать,- сказал Гурджиев. - Согласно преданию, двенадцать апостолов представляли двенадцать типов. Другие говорят, что основных типов больше.

Он замолчал.

- Можно ли узнать эти двенадцать типов, то есть существуют ли их определения и признаки?- спросил один из присутствующих.

- Я ждал этого вопроса,- сказал Гурджиев.- Еще не было случая, чтобы в разговоре о типах какой-нибудь умный человек не задал его. Неужели вы не понимаете, что если бы на ваш вопрос можно было дать положительный ответ, он давно бы уже был дан. Все дело в том, что, используя обычный язык, типам и их различиям невозможно дать определения, а тот язык, в котором это возможно, вы пока не знаете. Поймите, что вам дается все, что можно дать. С помощью данного вы сами должны найти все остальное. Но я напрасно трачу время: вы не понимаете меня и долго еще не поймете. Вспомните о различии между знанием и бытием. Есть вещи, для понимания которых необходимо иное бытие.

"Вы должны начать с себя и с наблюдений за тем, о чем я уже говорил. Некоторые из вас думают, что типы можно наблюдать; но то, что вы видите- вовсе не типы. Чтобы распознавать типы, необходимо знать свой собственный тип и уметь "отправляться" от него. А чтобы знать свой собственный тип, нужно изучить всю свою жизнь с самого начала; нужно понимать, почему и как в ней все случается.

х х х

/РАЗГОВОР О ПОЛЕ/

Говоря о "типах", Гурджиев спросил:

- Замечали вы или нет, какую огромную роль "тип" играет во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной?

- Я заметил,- отвечал я,- что в течение всей своей жизни мужчина вступает в контакт с женщиной определенного типа, а женщина- с мужчиной определенного типа, как будто для каждого этот тип заранее установлен.

- В этом заключена значительная доля истины,- сказал Гурджиев.- Но слишком много общих слов. В действительности вы наблюдали не типы мужчин и женщин, а типы событий. То, о чем я говорю, касается подлинного типа, то есть сущности. Если бы люди могли жить в сущностях, один тип всегда находил бы другой, а личность живая имеет собственные интересы и вкусы, не имеющие ничего общего с интересами и вкусами сущности. Личности может не нравиться то, что нравится сущности, и нравиться то, что сущности не нравится. Вот здесь-то и начинается борьба между личностью и сущностью. Сущность знает, чего она хочет, но не может этого выразить; а личность не желает о ней и слышать: у нее - свои собственные желания, и она действует по-своему. Однако сила личности не идет дальше данного момента, после которого двум сущностям, так или иначе, приходится жить вместе. Допустим, они ненавидят друг друга, тогда никакой образ действий не поможет: сущность все равно возьмет верх. В этом случае ничего нельзя сделать с помощью разума или расчета. Не помогает и так называемая любовь, потому что любить в подлинном смысле слова человек не может - в нем что-то любит или не любит.

"В то же время пол играет огромную роль в поддержании механичности жизни. Все, что люди делают, так или иначе связано с "полом": политика, религия, искусство, театр, музыка - все это "пол". Пол - главная движущая сила механичности; от нее - весь сон, весь гипноз.

"Вы должны понять, что я имею в виду. Механичность особенно опасна, когда ее стараются объяснить чем-то иным, а не тем, что есть в действительности. Когда пол ясно осознает себя и ничем не прикрывается, это уже не та механичность, о которой я говорю. Напротив, пол, существующий сам по себе и независимо от всего прочего, это большое достижение. Зло заключается в постоянном самообмане.

- Какой же отсюда вывод? Нужно или не нужно изменить это положение? - спросил кто-то.

Гурджиев улыбнулся.

- Вы уже должны понять, сколь наивны подобные вопросы. Космические силы создали определенное положение вещей,

а вы спрашиваете: "Оставить его таким или лучше изменить?" Сам Бог не в состоянии здесь ничего изменить. В этом случае, как и во всех прочих, общий закон изменить нельзя; однако, можно изменить собственное положение по отношению к закону, можно уклониться от его действия, тем более, что в законе, о котором я говорю, то есть во власти пола над людьми, заключено много разных возможностей. Пол представляет собой главную форму рабства; но он же является главной возможностью освобождения. Именно это вы должны понять.

х х х

/ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛОВОЙ ЖИЗНЬЮ/

"Следует отметить, что в нормальных случаях в половом центре, равно как в высшем эмоциональном и высшем мыслительном центрах, нет отрицательной стороны. Во всех других центрах /исключая высшие/- в мыслительном, эмоциональном, двигательном, инстинктивном- имеют, так сказать, две половины: положительное и отрицательное, "да" и "нет", приятное и неприятное. В половом центре такого деления нет, в нем или существует приятное ощущение или вообще нет никакого ощущения. Однако вследствие неправильной работы центров часто бывает так, что половой центр соединяется с отрицательной частью эмоционального или инстинктивного центра, и тогда определенного рода стимулирование полового центра и даже половое возбуждение вызывает неприятное ощущение. Люди, которые испытывают эти неприятные ощущения, вызванные в них идеями или воображением, склонны рассматривать их как великую добродетель или нечто оригинальное; на самом деле это просто болезнь. Все, связанное с полом, должно быть или приятным, или безразличным. Все неприятные чувства или ощущения приходят или из эмоционального, или из инстинктивного центра. Вот это и есть "злоупотребление половой жизнью".

"В обычных обстоятельствах, то есть когда человек не имеет ни сознания, ни воли, "буфера" оказываются единст

венной вещь, которая держит в подчинении половой центр. Они могут полностью остановить его нормальное проявление, но уничтожить его энергию не в состоянии. Эта энергия остается и переходит в другие центры, находя себе проявление через них; другими словами, прочие центры крадут у полового центра его энергию, которой он сам не пользуется. Энергию полового центра в работе мыслительного, эмоционального и двигательного центров нетрудно узнать по особому "привкусу", по жару и ярости, которых совершенно не требует суть дела. Мыслительный центр пишет книги, но, используя энергию полового центра, не просто занимается философией, наукой или политикой, а всегда с чем-то борется, спорит, критикует, создает новые субъективные теории. Эмоциональный центр проповедует воздержание, аскетизм, страх и ужас греха, мучения грешников, вечное пламя — все это за счет энергии полового центра. С другой стороны, при помощи той же энергии, он производит революции, грабежи, поджоги и убийства. Двигательный центр занимается спортом, устанавливает различные рекорды, валяется на горы, прыгает, фехтует, борется и так далее. Во всех подобных случаях всегда имеется характерный признак: некоторая специфическая странность и вместе с тем бесполезность данной работы. Ни мыслительный, ни эмоциональный, ни двигательный центр не способны создать при помощи энергии полового центра, ничего полезного. Это тоже примеры "злоупотребления половой энергией".

х х х

ГЛАВА 13

/КВАРТИРА ГУРДЖИЕВА/

В октябре 1916 года я побывал у Гурджиева в Москве.

Его маленькая квартира находилась на Большой Димитровке. Все полы и стены ее были убранны коврами в восточном стиле, а с потолков свисали шелковые шали. Квартира удивила меня своей особой атмосферой. Во-первых, все люди, которые приходили туда /это были ученики Гурджиева/,

н е б о я л и с ь м о л ч а т ь - одно это было уже чем-то необычным. Они приходили, садились, курили- и часто целыми часами не произносили ни слова. Но в этом молчании не было ничего тягостного или неприятного; напротив, в нем было ощущение уверенности и свободы от необходимости играть неестественную и надуманную роль. Однако на случайных посетителях такое молчание производило необыкновенное впечатление: они начинали говорить- и говорили без конца, как будто боялись остановиться. Я понял тогда, что люди больше всего боятся молчания, что наша склонность к разговорам возникает из самозащиты, что она основывается на желании нечто увидеть, в чем-то признаться самому себе. Во вторых, я заметил еще более странное свойство квартиры Гурджиева: з д е с ь н е в о з м о ж н о б ы л о с о л г а т ь . Ложь немедленно становилась очевидной, явной, ощутимой, несомненной. Я понял, что все дело заключается в интонациях. Когда человек просто болтает или ждет случая вступить в разговор, он не замечает интонаций других людей и не способен отличить лжи от правды. Но как только он успокоится сам, то есть немного пробудится, он улавливает различные интонации и начинает отличать ложь от истины.

х х х

/НЕОБХОДИМОСТЬ ЖЕРТВЫ/

"Если в мире есть что-либо непонятное для людей, так это идея ж е р т в ы . Люди думают, что им необходимо пожертвовать чем-то, что они имеют, "верой", "спокойствием", "здоровьем", понимая это буквально. Но дело в том, что у них нет ни веры, ни спокойствия, ни здоровья. Все эти слова следует понимать лишь как метафоры. На самом деле людям необходимо пожертвовать лишь воображаемым, тем, чем они в действительности не обладают. Они должны пожертвовать своими фантазиями, но именно это сделать невероятно трудно. С гораздо большей легкостью они приносят в жертву реальные вещи.

"И еще одно, чем должны пожертвовать люди,- это с в о и м с т р а д а н и е м . Пожертвовать своим стра-

данием необычайно трудно. Человек откажется от каких угодно удовольствий, но только не от страданий, ибо он устроен таким образом, что ни к чему не привязывается так сильно, как к страданию. Но нужно быть свободным от страдания. Позднее я еще многое скажу о страдании. Ничего нельзя достичь без страдания, и в то же время необходимо начать с принесения страдания в жертву. Разгадайте-ка, что это значит.

х х х

ГЛАВА 15

/"РЕЛИГИЯ - ЭТО ДЕЛАНИЕ"/

В беседах, описываемого мной периода, то есть конца 1916 года, Гурджиев несколько раз касался вопроса о религии. Он обращал особое внимание на тот факт, что наше обычное отношение к вопросам религии в основе своей весьма ошибочно.

- Во-первых, - говорил он, - религия есть относительное понятие; она соответствует уровню человеческого бытия, так что религия одного человека может оказаться совершенно неподходящей для другого.

"Во-вторых, религия - это д е л а н и е; человек не просто думает о своей религии или чувствует ее, но "живет", насколько это в его силе, в ней; иначе это будет не религия, а какая-то фантазия или философия. Нравится ему это или нет, но он показывает свое отношение к религии действительным, и может показать свое отношение к ней т о л ь к о т а к и м о б р а з о м. Поэтому если его действия противоположны тем, которых требует данная религия, он не может утверждать, что принадлежит к ней. Огромное большинство людей, называющих себя христианами, не имеют никакого права так поступать, ибо эти люди не только не исполняют требования своей религии, но даже не думают о том, что их необходимо исполнять.

"Христианство запрещает убийство. Однако все то, к чему сводится наш прогресс, - это прогресс способов убийства и способов ведения войны. Как же мы можем называть

себя христианами?

"Я привел пример войны, поскольку этот пример — наиболее разителен, но и без войны жизнь представляет собой совершенно такую же картину. Люди называют себя христианами, не понимая, что они не только не желают, но и не могут быть христианами, так как для этого необходимо не просто желать, а уметь быть единым.

х х х

/ХРИСТИАНСКАЯ ИЛИ ЦЕРКОВЬ КАК ШКОЛА/

"Мы очень мало знаем о христианстве и о формах христианского богослужения. Например, откуда появилась церковь, где собираются верующие и где, согласно особым обрядам, совершаются службы? Многие думают, что внешняя форма поклонения, обряды, пение гимнов и так далее были придуманы отцами церкви. Другие считают, что эта внешняя форма частично заимствована у языческих религий, а частично — у евреев. Но все это неверно. Вопрос о происхождении христианской церкви гораздо интереснее, чем мы думаем. Начать с того, что церковь и богослужение в той форме, какую они приняли в первые века христианства, не могли быть заимствованы у язычников, так как ничего подобного не существовало ни в греческих, ни в римских культах. Еврейская синагога, греческие и римские храмы представляли собой нечто, совершенно отличное от христианской церкви, которая приняла свой вид в первом и втором веках. Христианская церковь — это школа, относительно которой люди забыли, что это школа. Вообразите школу, где учителя читают лекции и выполняют пояснительные демонстрации, и где ученики или просто люди, проходящие в школу, принимают эти лекции и демонстрации за церемонии, за обряды, за "таинство", за магию.

"Христианская церковь, христианская форма богослужения не была изобретена отцами церкви; она была заимствована в готовом виде в Египте, но только не в том Египте, который мы знаем, а в том, который нам неизвестен.

"Многим людям покажется странным, если я скажу, что Египет был христианским за много тысяч лет до рождения Христа. Иными словами, его религия состояла из тех же принципов и идей, которые составляют подлинное христианство. В древнем Египте существовали особые школы, называвшиеся "школами повторения". В этих школах по определенным дням устраивались публичные повторения в сжатой форме всего курса наук, которому можно было в них учиться. Иногда такие повторения продолжались неделю или месяц; благодаря им, люди, прошедшие курс, не теряли связи со школой и сохраняли в памяти все, что усвоили.

"Эти "школы повторения" и были взяты в качестве моделей для христианских церквей— форма богослужения в христианских церквях почти целиком повторяет курс повторения науки, касающейся вселенной и человека. Индивидуальные молитвы, гимны, возгласения— все в этом повторении имело свое значение, равно как празднества и религиозные символы, хотя их смысл уже давно забыт.

х х х

/ВАЖНОСТЬ ОБРЯДОВ/

~~Продолжая~~ Продолжая свои объяснения, Гурджиев привел несколько очень интересных примеров объяснений различных частей православной литургии. К несчастью, в то время я не делал никаких заметок и не решаю восстановить их в памяти.

Суть объяснений заключалась в том, что литургия происходит, так сказать, весь процесс "повторения", отмечая все его стадии и переходы. Более всего меня удивило в объяснениях Гурджиева то, сколь многое сохранилось здесь в чистой форме и как мало мы все это понимаем. Его объяснения сильно отличались от обычных теслогических и мистических истолкований. Из них стало ясно, что многие вещи, которые мы принимаем за аллегории, вовсе не являются ими, и их нужно понимать проще и буквально.

— Каждая церемония, или обряд, имеет ценность лишь тогда, когда она выполняется без изменений,— сказал он.—

Церемония— это книга, в которой записано необычайно много. Каждый, кто обладает пониманием, может ее читать. Один обряд нередко содержит больше, чем сотня книг.

Указывая на то, что сохранилось до нашего времени, Гурджиев отмечал и то, что было утеряно и забыто. Он говорил о священных плясках, которые сопровождали "службы" в "школах повторения" и которые не были включены в христианскую литургию. Он говорил также о различных упражнениях и особых позах для молитв, то есть для различных видов медитации; о приобретении контроля над дыханием и о многих других вещах, имеющих отношение, так сказать, к религиозной "технике".

х х х

/ДВЕ ЧАСТИ ПОДЛИННОЙ РЕЛИГИИ/

Гурджиев много раз указывал на необходимость изучения этой забытой "техники", равно как и на невозможность достичь без нее каких-либо результатов, кроме чисто субъективных.

— Вы должны понять,— говорил он,— что любая подлинная религия, то есть такая, которая была создана знающими людьми с определенной целью, состоит из двух частей. Одна часть учит тому, что нужно делать. Эта часть становится общим достоянием и с течением времени искажается и отходит от первоначального источника. Другая часть учит тому, как осуществить то, чему учит первая часть. Эта часть хранится в тайне в особых школах; с ее помощью можно исправить то, что было искажено в первой части, или восстановить то, что забылось.

"Без знания второй части не может быть знания религии, или, во всяком случае, такое знание будет неполным и весьма субъективным.

х х х

К этому времени, то есть к ноябрю 1916 года, положение дел в России начало принимать весьма мрачный характер. До тех пор мы, во всяком случае большинство из нас, каким-то чудом сохраняли ясное отношение к "событиям"; теперь события подступали к нам все ближе и ближе, приближались к каждому лично, и мы более не могли не замечать их.

Наши встречи продолжались. В течение последних месяцев 1916 года Гурджиев не приезжал в Петербург, но несколько членов нашей группы ездили в Москву и привезли оттуда заметки, сделанные учениками Гурджиева под его руководством.

В наших группах появилось много новых людей; и хотя было ясно, что все должно прийти к какому-то неизвестному концу, система Гурджиева давала нам некоторое чувство уверенности и безопасности. В это время мы часто говорили о том, как бы мы себя чувствовали среди окружающего нас хаоса, если бы не имели системы, которая все более становилась нашей собственной. Мы не могли теперь представить, как можно было бы жить без нее и найти путь в лабиринте всех существующих противоречий.

Этот период отмечает начало бесед о Ноевом ковчеге. Я всегда считал легенду о Ноевом ковчеге эзотерической аллегорией; теперь же начал понимать, что это не просто аллегорическое выражение общих идей эзотеризма, но и план любой эзотерической работы, включая нашу собственную. Сама система Гурджиева была "ковчегом", в котором мы надеялись спастись во время "потопа".

Гурджиев приехал лишь в начале февраля 1917 года; это был последний его приезд в Петербург. Я попытался поговорить с ним о надвигающихся событиях, но он не сказал ничего определенного, на чем я мог бы основывать свои действия.

Я стремился вызвать Гурджиева на разговор о ближайшем будущем нашей работы, желая понять, что он собирается делать и чего хочет от нас.

- События против нас, - сказал я. - Теперь ясно, что

невозможно что-либо делать среди этого массового безумия.

- Именно сейчас это только и возможно,- возразил Гурджиев. - События совсем не против нас, просто они движутся слишком быстро- в этом вся беда. Но подождите немного, и вы сами увидите, как то, что сегодня нам препятствует, окажется полезным.

х х х

/ИЮЛЬ-АВГУСТ 1917 ГОДА. ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ В ЭССЕНТУКАХ/

Я всегда испытываю странное чувство, когда вспоминаю этот период. Мы провели в Эссентуках около шести недель, но даже в шесть лет было бы трудно найти место для всего, связанного с этим временем- до такой степени оно было заполнено.

Половина из всех собравшихся, в том числе и я, жили в течение этого периода вместе с Гурджиевым в небольшом домике на окраине станицы; а другие приходили туда рано утром и оставались до позднего вечера. Ложились спать мы очень поздно, вставали очень рано, спали часа четыре, от силы пять. Мы выполняли всю домашнюю работу; остальное время было заполнено упражнениями, о которых я расскажу позднее.

Гурджиев надзирал за кухней, нередко сам готовил обед. Он оказался замечательным поваром и знал сотни удивительных восточных блюд.

Я не пытаюсь описать все, что происходило в Эссентуках: для этого потребовалась бы целая книга. Гурджиев вел нас быстрым шагом, не теряя не единой минуты. Многие он объяснял нам на прогулках и среди домашней работы.

Во время нашего краткого пребывания в Эссентуках Гурджиев развернул перед нами план своей работы. Мы увидели начало всех методов, всех идей, их связи и направления. Многие остались для нас неясными, многие мы поняли неправильно, но во всяком случае нам были даны некоторые общие положения, которыми мы смогли бы руководствоваться впоследствии.

/НЕОБХОДИМОСТЬ ШКОЛ/. /"СВЕРХУСИЛИЯ"/

Идеи, которые нам довелось к этому времени узнать, привели к целому ряду вопросов, связанных с практическим пониманием работы над собой; они, естественно, вызвали многочисленные обсуждения среди членов нашей группы.

Гурджиев всегда принимал участие в этих обсуждениях и объяснял различные аспекты организации школ.

- Школы настоятельно необходимы, - сказал он однажды, - прежде всего из-за сложной организации человека. Человек неспособен к продолжительному наблюдению за своей личностью, то есть за всеми ее различными сторонами. Это может сделать только школа, школьные методы, школьная дисциплина; человек же чересчур ленив; многое он будет делать без должной напряженности или вообще ничего не станет делать, воображая при этом, что делает нечто. Он будет напряженно работать над чем-нибудь таким, что не нуждается в напряженности, и пропустит те моменты, где напряженность насущно необходима. Человек щадит себя, он боится сделать себе что-нибудь неприятное. Самостоятельно он никогда не достигнет необходимой интенсивности. Если вы правильно наблюдали за собой, вы согласитесь с этим. Когда человек ставит перед собой какую-то задачу, он очень скоро начинает потакать себе, стараясь решить ее легчайшим путем и так далее. Это не работа. В работе учитываются только **сверхусилия** то есть усилия, превышающие нормальные, необходимые; обычные усилия в счет не идут.

х х х

/УПРАЖНЕНИЕ "СТОИТЬ"/

Гурджиев показал нам упражнение, которое было для нас совершенно новым; как он утверждал, без него невозможно подчинить себе двигательную природу. Это было упражнение "стой".

- Каждая раса, - говорил он, - каждый народ, эпоха, страна, класс, профессия имеет свое определенное количест-

во поз и движений. Эти позы и движения, как нечто наиболее постоянное и неизменное в человеке, контролируют форму его мышления и чувства. Но даже теми позами и движениями, которые для него возможны, человек не пользуется: в соответствии со своей индивидуальностью он выбирает лишь некоторое количество доступных ему поз и движений, так что индивидуальный репертуар у каждого крайне ограничен.

"Характер движений и поз неразрывно связан с формами мышления и чувства, которые человек не в состоянии изменить до тех пор, пока не изменит репертуар поз и движений.

"В обычных условиях мы не имеем понятия, как сильно наши мыслительные, эмоциональные и двигательные функции зависят одна от другой, хотя знаем в то же время, насколько наши настроения и эмоциональные состояния могут зависеть от движений и поз. Если человек примет позу, которая соответствует у него чувству печали или подавленности, спустя некоторое время он обязательно ощутит печаль и подавленность. Страх, отвращение, нервное возбуждение или, напротив, спокойствие можно создать намеренным изменением позы. Автоматизм мыслей и чувств определенным образом связан с автоматизмом движений, так что нельзя изменить одно без другого. Но поскольку каждая человеческая функция, мыслительная, эмоциональная и двигательная, имеет свой репертуар, и все они находятся в постоянном взаимодействии — человек не в состоянии выйти из заколдованного круга своих поз и движений.

"Для того, чтобы противодействовать автоматизму и постепенно приобрести контроль над позами и движениями в различных центрах, существует особое упражнение, которое заключается в следующем. По предварительному установленному сигналу учителя, например, слову "стой", все ученики, которые видят или слышат его, должны немедленно прекратить свои движения, что бы они ни делали, и застыть неподвижно в той позе, в которой их застал сигнал. При этом ученик должен оставаться в таком положении до тех пор, пока другой установленный сигнал не разрешит ему

принять ему обычную позу или пока он не упадет от утомления будучи неспособным сохранять первоначальное положение. Но он не имеет права ничего в нем менять — ни взгляда, ни точек опоры — ничего! Если ученик не в состоянии удержаться стоя, он должен упасть — но спять — таки упасть как мешок, не стремясь предохранить себя от удара.

"Долг учителя — следить за тем, чтобы во время падения или непривычной позы ученику не было причинено никаких повреждений, и в этой связи ученики должны полностью доверять своему учителю, не думая ни о каких опасностях.

"Попробуем проследить, что при этом получается. Человек идет, сидит или работает, и слышит в этот момент сигнал "стой". Начатое им движение прервано неожиданным сигналом; тело застывает и останавливается в с е р е д и н е п е р е х о д а о т о д н о й п о з ы к д р у г о й, в том положении, в каком этот человек обычно никогда не остается долго. Почувствовав себя в непривычной позе, человек невольно смотрит на себя с новой точки зрения, видит и наблюдает себя по-новому. В этой непривычной позе он может думать по-иному, по-иному чувствовать, по-иному улавливать себя. Таким образом разбивается круг старого автоматизма. Тело, конечно, стремится принять привычное удобное положение, но воля человека, приведенная в действие волей учителя, препятствует этому. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, но в д а н н о м с л у ч а е воля может победить.

х х х

/ОБЫВАТЕЛЬ/

"О б ы в а т е л ь — странное слово в русском языке. Без особых отщепков оно употребляется в смысле "обитатель", но чаще всего его употребляют для того, чтобы выразить презрение или негодование, как будто оно выражает что-то невероятно плохое. Но те, кто так говорят, не понимают, что обыватель — это здоровое ядро в жизни. С точки зрения возможности индивидуальной эволюции хороший

о б ы в а т е л ь имеет гораздо больше шансов, чем "безумец" или "бродяга". /Позднее, я объясню, что понимаю под этими двумя выражениями/. Я совсем не хочу сказать, что все обыватели стоят на "пути", я просто имею в виду, что быть хорошим обывателем само по себе не препятствует "пути".

Люди, которые думают о путях, особенно люди интеллигентные, часто смотрят на обывателя свысока и, в общем, с презрением относятся к обывательским добродетелям. Этим они лишь показывают свою собственную непригодность для какого бы то ни было пути, ибо ни один путь не может начаться на уровне н и ж е у р о в н я о б ы в а т е л я. Очень часто именно это упускают из вида люди, которые не способны устроить собственную жизнь, которые слишком слабы, чтобы бороться с жизнью и побеждать ее, которые мечтают о путях или о том, что они называют путями, потому что надеются, что они облегчат им жизнь и оправдывают их слабость и непригодность.

Когда я говорю, что обыватель серьезнее "бродяги" или "безумца", я подразумеваю под этим тот факт, что привыкший иметь дело с реальными ценностями обыватель оценивает возможности "путей" и "освобождения" лучше и быстрее, нежели человек, который всю свою жизнь вращался в кругу воображаемых ценностей, интересов и возможностей.

х х х

ГЛАВА 13

/РЕШЕНИЕ ОСТАВИТЬ ГУРДЖИЕВА/.

Мое личное положение в группе Гурджиева начало меняться. За последний год что-то накопилось, и я все яснее стал видеть, что м н е н у ж н о у й т и.

После всего, что я до сих пор писал, это может показаться странным и неожиданным, но все собралось постепенно. С некоторого времени я начал разделять Гурджиева и его и д е и. В идеях я не сомневался; наоборот, чем больше я

о них думал, чем глубже входил в них, тем более высоко ценил и лучше понимал их значительность. Но я начал сильно сомневаться в том, что для меня возможно продолжать работать под руководством Гурджиева. Я ни в малейшей степени не хочу сказать, что нашел какие-либо из методов или действий Гурджиева неправильными — это было бы странно и совершенно неуместно по отношению к руководителю работы, эзотерическую природу которой я признавал. Одно исключает другое; в работе подобного рода не может быть никакого "несогласия". Сам Гурджиев не раз говорил, что в работе самое важное — помнить, что ты пришел учиться, и не брать на себя никакой роли.

В то же время это совсем не значит, что человек лишается всякого выбора, что он обязан следовать чему-то, не соответствующему его собственным поискам. Я никогда не относился отрицательно к "пути монаха", к религиозным, мистическим путям, но никогда не считал, что такой путь будет для меня подходящим и возможным. И вот если бы после трех лет работы я увидел, что Гурджиев фактически ведет нас к религиозному пути, к монастырю, требует соблюдения всех религиозных форм и церемоний, это, конечно, было бы достаточным основанием для того, чтобы выразить свое несогласие и уйти, даже рискуя при этом утратить его непосредственное руководство. Но это не означало бы, конечно, что я считаю религиозный путь неправильным; просто этот путь — не мой.

Решение оставить работу у Гурджиева и его самого потребовало от меня большой внутренней борьбы. Я многое на этом строил, и трудно было теперь дерестраивать все с самого начала, но ничего много нельзя было поделать.